

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юбер

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

МОЩНЫЕ РЕКИ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 5. Мощные реки**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 5. Мощные реки /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-854-9

В пятый том собрания сочинений писателя, путешественника и журналиста «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова вошли его зарисовки о природе, опубликованные в его личной ежемесячной рубрике «Времена года», и фоторепортажи из путешествия на самый край света – Камчатку. И главное – «Комсомолка» устроила Василию Пескову уникальную экспедицию к 50-летию Октябрьской революции от Бреста и до Камчатки на вертолетах и самолетах – «Широка страна моя...».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-854-9

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

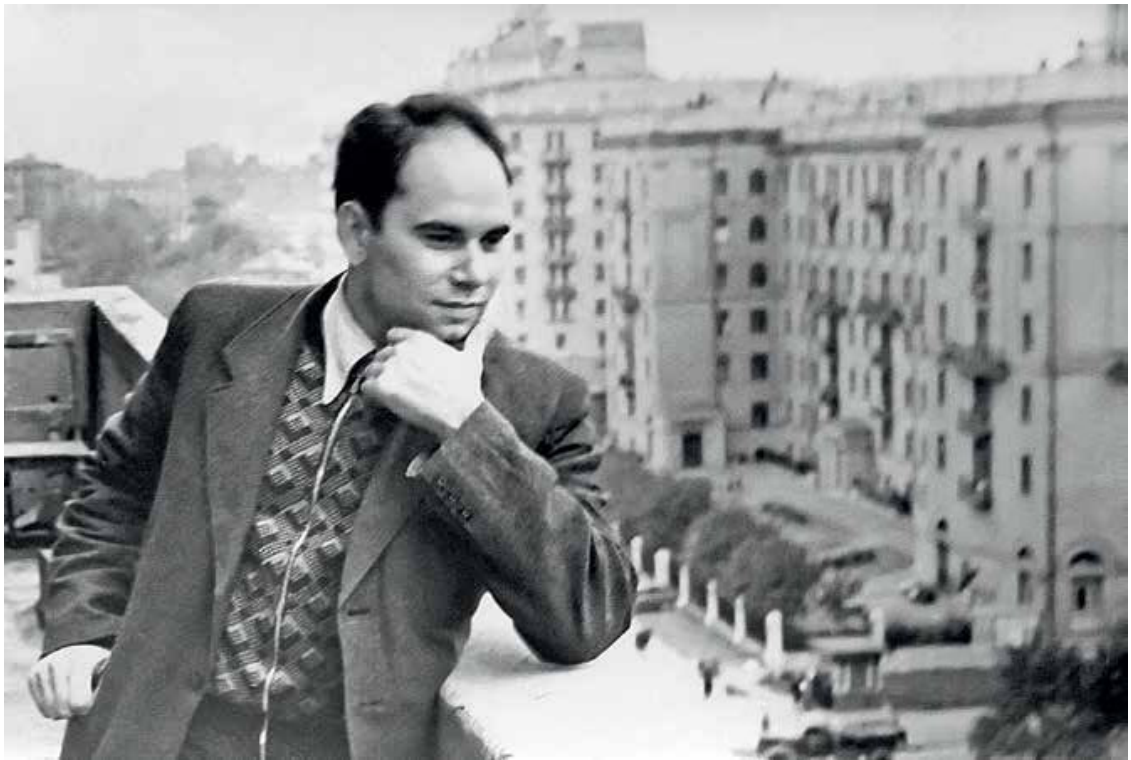
Предисловие	7
1965	9
Сентябрь	9
Встреча	10
Октябрь	14
Листопад на Хопре: остров	15
Лесной дом	15
Любопытство	16
Привязанность	17
Радость	17
Беда	17
Красный огонь	18
Признание	18
Пир	19
Мудрость	19
Ноябрь	20
Речка Никулка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Василий Песков
Полное собрание сочинений.
Том 5. Мощные реки. 1965–1967

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«...Дороги сдвигают жизнь. В науке дороги. Стройки. Просто дороги по местам необжитым. Человек на дороге чувствует себя вперед идущим, яснее видит пройденный путь, чувствует себя победителем. Дороги не дают жизни остановиться, не дают жизни закинуть...»

В. Песков

Предисловие

Сейчас все в работе журналистов намного проще.

Вот в этом томе вы увидите заметки и фотографии рубрики «Широка страна моя...». Это снимки, сделанные Василием Михайловичем с высоты птичьего полета от Бреста до Камчатки. Не знаю точно, чья была идея пролететь через всю страну на вертолетах и самолетах и сделать этакий суперрепортаж с их борта. Думаю, самого Пескова. Он потом рассказывал, что хотелось страну показать так, чтобы разом чувствовались ее огромность и размах. Так что вертолет как раз был самое то. Пескову, с помощью газеты, выдали документ в Министерстве гражданского воздушного флота, где предписывалось «...предоставлять вертолет или легкомоторные самолеты». В июне 1966 года путешествие началось, в ноябре 1967 года – закончилось. Прямо к той самой дате, к которой его и придумали: 50-летию Октябрьской революции.

Но слетать, сфотографировать и написать было мало. Дело в том, что не то что в шестидесятые годы, а еще и в восьмидесятые прошлого века получить разрешение на публикацию фотографии даже самого безобидного объекта, сделанной с верхней точки, было целое дело. Снимки отправлялись в цензуру (Главлит), и там их тщательно просматривали – не видно ли чего секретного? А потом какие-то из них ретушировали, зачищая или закрашивая какие-то детали, показавшиеся цензорам не сильно уместными. И было все равно, руины ли это Брестской крепости, степные элеваторы на целине или Красная площадь. Красная площадь, впрочем, просматривалась особенно тщательно, там виден кусочек Кремля сверху, а это ведь цитадель партии и правительства.

Фотошоп не было, в ход шли белила или тушь.

Все эти снимки есть в томиках этого собрания сочинений Василия Михайловича.

После Пескова никто больше такого маршрута не повторял. Да и, пожалуй, не сумел бы, если не по размаху, то по мастерству. Они очень необычны и красивы.

Жаль только одного: черно-белые.

Но этому есть свое объяснение.

Сам Василий Михайлович как-то написал: «Черно-белая фотография (светопись) предъявляет фотографу более высокие требования, чем цветная. Цветной снимок часто дает лишь иллюзию удачи, к тому же цвет отчасти «скомпрометирован» морем цветных фотографий, часто не имеющих подлинной ценности, в бесчисленных гляцевых журналах».

В этом была своя прелесть, но свои проблемы. Когда мы собирали эту книгу, то увидели, что большинство его фотографий нецветные, хотя время от времени попадались их явные оригиналы в цвете! Все, что можно было дать цветным, мы дали цветным в этом собрании сочинений.

Только представить себе, по каким красивым местам путешествовал Песков! Какие краски он видел! Видимо, Василий Михайлович и сам это понял, потому что, например, его поездка на Аляску – рассказ о ней впереди – вся снята в цвете. Да и нашу природу он в последние годы стал фотографировать во всей ее красе и красках.

Но черно-белую съемку считал за высший класс.

В «Комсомолке», когда она была еще на улице «Правды», 24, как и в других редакциях, у фотографов были свои лаборатории, такие довольно тесные «чуланчики», специально устроенные так, чтобы в них не проникал свет. Там стояли бачки для проявки пленки, бутылки с проявителем и закрепителем, пачки с фотобумагой и, конечно, фотоувеличители. Работали при красном свете, так не засвечивалась фотобумага.

Я специально пишу это для тех, кто уже не застал всей этой премудрой техники. Сейчас просто: щелкнул и согнал файл с фотоаппарата на компьютер. Надо – распечатал на фотопринтере.

Песков колдовал над фотографиями сам. И даже когда в редакции эти фотокабинки снесли, его рабочее место не тронули. И он в благодарность прикрепил на дверь своей «кедьи» листок: «Заповедник черно-белой фотографии. Директор В. Песков».

***Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».***

1965

Сентябрь

Времена года

Два раза в году синева щемит душу. В талую пору весны и теперь, в сентябре. Над полями, над полянами, над красным осинником, желтым березняком и просветленными речками – настой синевы. Случится день непогожий, а потом опять синева и холодные костры на земле. Непросыхающая за день роса под кострами, паутинная пряжа на кустах, на жнивье, решето паутины вокруг заходящего солнца. Пора бабьего лета, ничейная полоса встречи лета и осени. В мирной тишине разрешается спорное дело. Осень зажигает костры, а лето сдается и сходит доживать дни на берега речек. До больших морозов будет клубиться зелень лозинок, водяных трав и прибрежных цветов.

Ласковая пора бабьего лета чем-то напоминает весну. И не только человек поддается этому чувству. Случается, в эту пору расцветают деревья. Скворцы каждый год в эту пору покидают отлетные стаи и появляются у скворечен. Песня у скворца почти как весенняя, только тихая, будто спросонья. Поддаются обману тетерев и глухарь. А у самых больших обитателей леса в эту пору в самом деле расцветает весна любви. В сентябре начинается рев у лосей и оленей. На зорях и ночью услышишь приглушенный, похожий на стон лосиный вызов на бой. Другой голос... – вызов принят. Вытоптанная земля, поломанные кусты. Иногда побежденный остается на земле. Лесу милосердие чуждо. Только сильный имеет право продолжить род. Слабый уходит или остается лежать на потеху сорокам, лисам и кабанам.

Праздник осенних свадеб начинается в сентябре под Воронежем. С разных концов из темноты несутся трубные звуки. Пришлый человек вздрогнет и ускорит шаги. Охотник же с замиранием сердца слушает страстную музыку. Иногда слышишь: встретились. Стук рогов, топот. В лунную ночь можно даже увидеть, как, пригнув головы, наступают друг на друга противники. Разгоряченные драчуны не слышат твоих шагов, но самки стерегут место боя. Хрустнула ветка – ярость мгновенно сменяется чувством тревоги. Топот. И вот уже в другом месте – справа, слева, сзади: у-у-ooo!.. Когда-то все леса в сентябре наполнял этот рев, и месяц у славян назывался «рюень» – время оленьего рева.

При полном безмолвии лесных обитателей идут олени и лосиные свадьбы. Просвистит кочевая стайка синиц, застучит дятел, и опять синяя тишина. Невозмутимая зелень сосен и елок, холодный пожар кленов, осин и берез. Заметно остывает земля. Вода остывает медленней. Утром пар стоит над речкой, лодка идет наугад, как самолет в облаках. Поднимешь весла – слышен в тумане олений рев, а прямо над головою – прощальный крик журавлей.

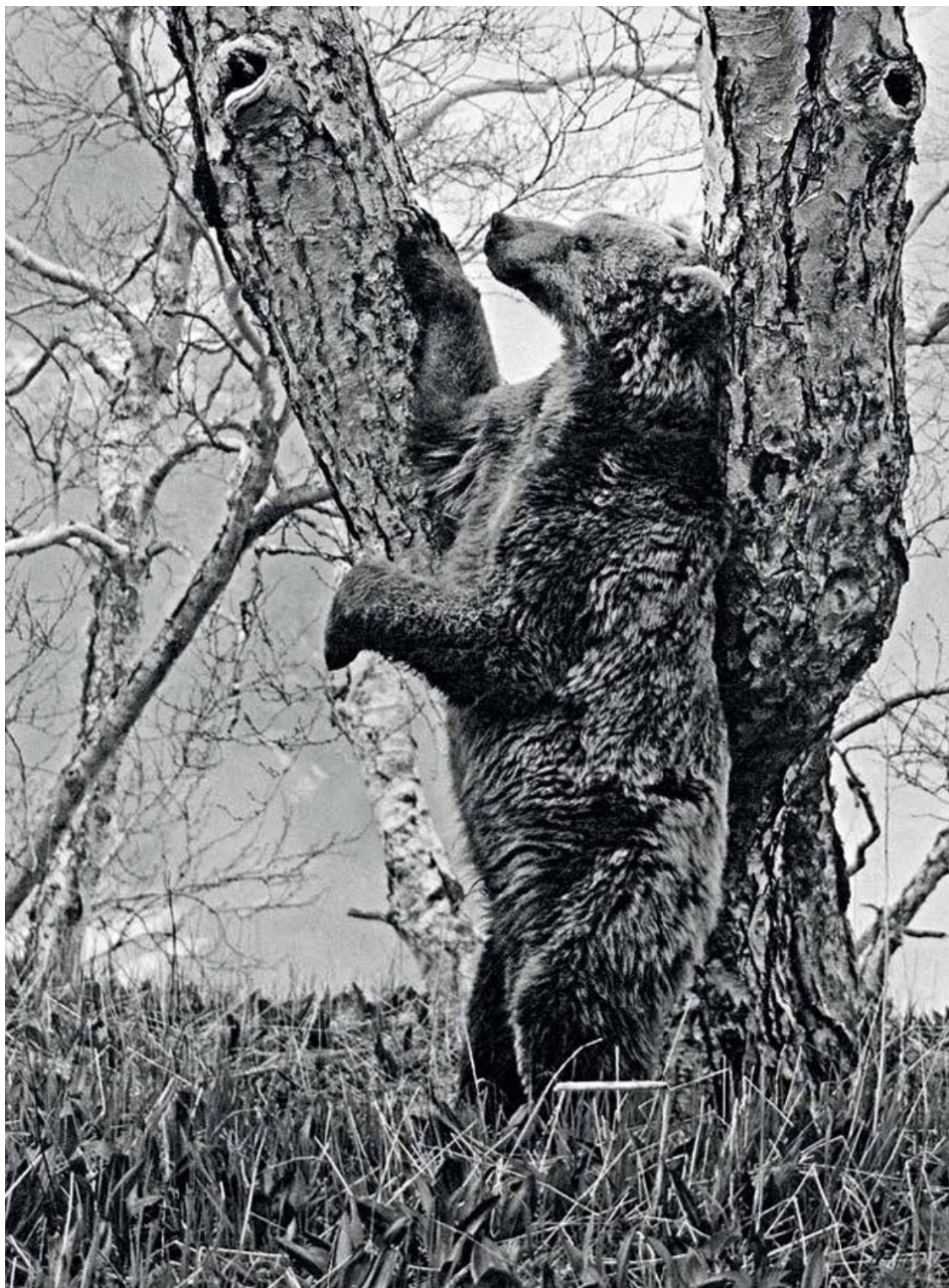
День в сентябре равняется с ночью. Каким-то утром первый раз заметишь иней на крыше, на белой хрустящей траве оставишь след сапог. Все. С этого дня лето увидишь только во сне. Улетают скворцы, ласточки перед отлетом совещаются на проводах. Вороны и галки возвращаются на старые церкви, к чердакам высоких домов. Кружатся вечерами грачи. Сороки и синицы придвинулись ближе к жилью. Барсук и медведь запасаются жиром. Белка запасает грибы и орехи. Лягушки ныряют в пруд до весны, тритоны вылезают из пруда и зарываются до весны в листья под пнями. Морозы уже приходят один за другим. Все пожелтело. Только вишня в саду будет стоять зеленой почти до самого снега. Сад опустел. С шумом поднимается заночевавший под яблоней жирный пролетный вальдшнеп. Идешь, загребая листья, с надеждой отыскать забытое яблоко... и находишь. С два кулака антоновка. Нет ничего вкуснее случайного яблока из опустевшего сада – зубы уходят как в масло, ломит зубы морозный холод.

Чуть потянуло ветром, и полилась река листопада.

Встреча

Спросили однажды: какая из встреч с животными больше всего запомнилась? Я сразу назвал эту, помеченную в записной книжке восьмым днем сентября 1961 года.

День накануне был назван днем «таинственной птицы». Птица увязалась за нами от места ночлега. Качаемся в седле, а где-то справа тоненький голос: твинь-твинь... В изогнутый ветрами березняк повернули – тот же голос. Переглянулись: где она? Слева стена камней, правее стремя и правый бок лошади повисают над пустотой. Остановились у поворота тропы – птица умолкла. Поехали – опять: твинь-твинь. Соскочив с лошадей, все поняли: толстый ремень тихо ударял о медное стремя старого казачьего седла – получался таинственный птичий звук.

В тот же день вечером раскрылась еще одна тайна. Заморосило. А Валина лошадь вдруг начала храпеть, воротить голову. Над пропастью ехать было нельзя. Спешились, гладим лошадь по шее и размышляем: в чем дело?

– Знаю! – сказал Валя и стал отвязывать топор, притороченный у передней лямки седла. Спрятал топор в рюкзак, сел на лошадь, и спокойно поехали. Лошадь пугал не топор, а чехол из кожи старого кабана. Чуть дождик – топор начинал кабаном пахнуть. И лошадь пугалась.

Ночевать мы решили под старой пихтой. Горы затянуло сеткой дождя. Все намокло, а круговинка под пихтой сухая – место для палатки и для костра.

Как свечи, белели шишки на пихте. Отряхивались и гулко прыгали в темноте стреноженные лошади, а вверху, за пеленою дождя, туда-сюда по горам двигалось эхо оленьего рева. Под эту музыку пили чай, сушили фуфайки и говорили о зверях.

– Ну а медведь?

– Увидим. Здешний медведь трусливый. Человека почуял – покажет пятки в ту же минуту...

Всю ночь моросил дождь и ревели олени. А утром мы увидели: зима в горах идет сверху. Выпал снег на вершинах. На серых оконечностях скал при солнце сверкали куски холодного синеватого сахара. Под скалами лежала поздняя, бурая осень. А еще ниже – осень только что начиналась: полыхали горные клены, желтые пятки берез, диких яблонь и груш виднелись на крутизне.

Наша пихта стояла в полосе лета. Горели белые свечи чешуйчатых шишек. По мокрой траве ходили продрогшие лошади. Чувствовалось: не сегодня завтра и сюда сбегут по склону рыжие хороводы. И только под нами, в синей долине, лето еще постоит. Сквозь толщу воздуха долина похожа на прозрачное синее и глубокое море. Тени от гор уплывают в долину и растворяются в синеве. Солнце длинным широким лучом шупает синее дно и рассыпается серебром. Это сверкает внизу ручей, тот самый, что начинается возле нашей палатки. Тишина. Дикая пчела поднимается у лошади из-под ног и тяжелой пулей уносится к оцепеневшему мокрому клену. Непуганые дрозды у нас на глазах клюют рябину. Коршун висит над снежной вершиной. Было такое утро, когда кажется, что ты сегодня родился.

Утром все и случилось.

Мы собрались ехать на китайскую балку и уже держали уздечки – поймать лошадей.

– Гляди-ка... – сказал Валентин.

Я взял бинокль и минут пять не мог оторваться. На склоне горы, чуть выше берез, паслись медведица с медвежонком. Медвежонок был еле виден в траве. Медведица приподнимала и опускала морду в траву.

– Километра два...

– Лучший случай вряд ли представится...

– С малышом...

– Медвежонок уже большой. Медведица волноваться не будет. Главное – не спугнуть...

Я бросил уздечку на куст и зарядил в аппарат свежую пленку. Валентин остался седлать лошадей, а я полез на гору. Вчерашний дождь висел на траве гроздьями. Уже через пару минут казалось: не иду, а плыву, спасал над головою фоторужье. Кончился лес. Пошли по траве острова пожелтевших, гнутых берез. Плыву от острова к острову. Оглянулся – внизу белеет палатка. Валя седлает вторую лошадь. По росе темнеет след моего путешествия.

Неужели ушли? Приподнимаюсь на валуне – не видно. Ползу ложиной и вижу вдруг в тридцати метрах... двух медвежат. Повернули небольшой камень, лижут с него червей. К одному пристала пчела – колотит лапой около уха.

Меня медвежата не видят. Ничего не понимаю: откуда второй, где старуха медведица? Поднимаю фоторужье, навожу... Щелчок аппарата в тихое утро разбудил бы, наверное, и мертвого. Медвежата подпрыгнули и застыли на задних лапах. Но я уже на медвежат не глядел. Чуть в стороне под березой выскочила и стала на задние лапы медведица. Огромная! Морда у нее дружелюбная, как в зоопарке. Нижняя челюсть немного отвисла от любопытства и напряжения, передняя правая лапа согнута и прижата к груди. У меня одна только мысль: скорее снимать, сейчас испугается и убежит. Навожу, нажимая спуск...

Все дальнейшее длилось гораздо короче рассказа. Нарушая все предсказания, медведица не испугалась. Медведица кинулась в мою сторону. Кто думает, медведи неповоротливы, – ошибается. Никогда не видел более резвого, устремленного к цели бега. Этой целью был я.

Это был я в мокрой, тяжелой фуфайке, кирзовых сапогах. Не побежать, не побежать! Я уже вижу огромную, заслонившую горы, пепельно-бурую голову, вижу два маленьких глаза, мокрый лоснящийся нос и репей возле уха. «Какая бесполезная штука фоторужье...» До меня уже семь... пять метров – как раз замахнуться и ударить объективом по голове. Я замахнулся и заорал. Хорошо знаю теперь, какой бывает голос в такую минуту – одно сплошное: а-а-ааа!..

И медведица испугалась. В трех шагах от меня медведица дернулась, как будто внутри у нее тормоз включился, потянула воздух ноздрями и вдруг кубарем покатила по склону. И за нею два медвежонка. «Быстро бегают...» – это была первая мысль после крика.

Над цветами летали пчелы. Синела долина, а вверху сверкал сахарный снег. Я понял: в это утро второй раз родился. Захотелось опять – уже в радости – закричать. Голоса не было. Я сел на траву и губами стал собирать росу. Вынул из аппарата кассету с пленкой, подержал на ладони. Два снятых кадра. За любопытство, за два этих снимка плата могла быть очень большой.

– Вася! Ва-ася!.. – это был голос снизу.

Я быстро начал спускаться и у края берез увидел всадника. У лошади с губ падала пена. Лицо Валентина – белее снега.

– Не рассказывай, я все видел... Крик, а потом – ни тебя, ни медведицы. Решил: все...

У костра я вспомнил охоту в Африке на слонов. Охотились с фотографическим аппаратом. Но сзади был проводник с тяжелой винтовкой. Проводник – итальянец Джульано – внушал: «Бежать – ни в коем случае. Всякий зверь устремляется за бегущим». Сегодня эта мудрость оказалась важнее винтовки.

К палатке подъехал егерь, подстерегавший в балке оленя. За чаем я стал рассказывать, как все было, и только теперь почувствовал меру пережитой опасности – кружка в руке стала вдруг мелко дрожать...

– И все-таки медведи наши миролюбивы. Вот случай... – Егерь вспомнил несколько любопытных историй медвежьего миролюбия, и я согласился: «моя» медведица не была исключением. Медведица была с ребятишками. Этим все объяснилось. Будь на ее месте сибирский медведь, не пришлось бы сидеть у костра...

Благополучно закончилось осеннее путешествие. Мы сделали снимки оленей, зубров. Слышали, как свищут серны, видели под пологом диких яблонь стадо испуганных кабанов. Пытались еще раз снимать и медведя. Долго к нему подползали. Но медведь нас почуял издали и сразу же скрылся.

В местечке Псебай с другом мы распрощались. Он уехал в Майкоп, в управление заповедника. А я через день был уже в Москве.

Бережно, отдельно от других проявил пленку с «моей» медведицей. Разглядывая снимок, еще один раз пережил кавказскую встречу.

...В ноябре из Майкопа пришло письмо. Сразу же после приветствия Валентин сообщал: «Погиб егерь Бакуменко Яков Никитович. Помнишь, в тот день о медведях рассказывал? Нашли его на тропе лежащим книзу лицом. Встретил медведя. Видно, случилось все неожиданно – не успел снять винтовку...»

Такие бывают встречи.

Фото автора. 5 сентября 1965 г.

Октябрь

Времена года

Месяц желтых метелей. Сначала листок за листком тихо валятся книзу. Но вот покрепче мороз – и клен на опушке как будто за ночь остригли. Рыжая прическа ворохом лежит возле ног. И все кругом теряет лист за листом. В тихий день разлита между деревьями желтая музыка. Листья кружатся в медленном танце, повисают на паутинах, золотым шитьем ложатся на елки, на зеленые подушки кукушкина льна, на темные шары можжевельника и тихие окна лесной воды. Лесные дороги покрылись желтым ковром. Листья не поблекли и не подсохли еще – глушат шаги, мягкой подстилкой лежат в колее, в сырую погоду липнут на тележное колесо, вертятся мохнатым кругом. Листья еще не успели прикрыть грибы, еще можно найти грузди, опенки, россыпи медных пахучих рыжиков. Напоказ стоит ядовитая красота мухоморов.

Дожди. Туман. Белая соль мороза. С каждым днем все гуще огонь листопада. И приходит наконец день желтой метели. Закружилось, перепуталось все в лесу. Шорох, мелькание желтого, красного. Вихри, круговороты. Листья кружатся в просеках, с опушки уносятся в поле, сугробами собираются по канавам... Стихло все. Лес тот и не тот. Стоит прозрачный и грустный, как после пожара. Далеко видно и далеко слышно. Листья жухнут и начинают шуршать. И все в лесу настороженно слушает этот шорох. Мышь пробежит – слышно за полверсты. Слышно, как сойка разгребает листья, ищет упавший орех. Шорохи нагоняют страху на зайца, и он бежит из леса в поле переждать смутную пору. У зайца в октябре много событий: растет потомство зайчат-листопадников, шкура белеть начала в предчувствии снега, вчера еле-еле удрал от гончей – как тут не испугаться лесного шороха.

Все чувствуют близкую зиму. Бобры топят в воде ветки осины – готовят подледный корм. Барсук и медведь сгребают листья для зимней постели. Белка странным чутьем находит в листьях орех и, если орех тяжел, не испорчен, несет в дупло. Поползень винтом ползает по стволу дерева, прячет в складки коры зерна и семена – зимою все пригодится...

Стоят серые дни. Долгие вечера, длинные ночи. Сыро и неуютно. И только временами, как праздники, перепадает прозрачные дни негорячего солнца. Свежим снегом скрипит капуста на огородах. Хозяйская рука в такие дни спешит посадить яблоню, спрятать в омшанике пчел.

Непрошенные дожди все чаще опускаются над землей. В такую погоду не многих потянет из дому. И только охотнику не сидится. Над землей в эту пору тянутся воздушные мосты птичьих переселений. На севере уже выпал снег. Зима выжила перелетных гостей. От тундры до теплой нильской воды, до речек Бирмы и рисовых вьетнамских полей тянутся сейчас птичьи мосты. Птицы летят ночью. А ночи пасмурные, и можно только удивляться, как птицы находят дорогу, как находят для отдыха озеро или болото, на которое опускались во время весеннего перелета.

Вслед за утками улетают жаворонки, дрозды, малиновки и грачи. Последними полетят лебеди. Иногда, чтобы покормиться и отдохнуть на воде, белые птицы сверху бросаются и грудью ломают лед. По давней традиции охотник не поднимет ружье на лебедя. Часто он вовсе с пустой сумкой является к дому. Перепачканный, мокрый, усталый. Какая неволя гнала человека? Спросите. И он расскажет, но не про утку, в которую стрелял и дал промах. Расскажет, как молчит в октябре пустынное поле, как стекленеет вода в малых лесных озерах, как пахнет костер под елкой, дрожит последний лист на березе и светится в прозрачном лесу красный огонь рябины.

У земной красоты не бывает выходных дней.

Листопад на Хопре: остров

Равнина. Поля пшеницы, кукурузы и сахарной свеклы. По равнине медленно течет речка Хопер. По берегам – лес. Птицы, летящие высоко, этот лес считают, наверное, островом и непременно на этом острове делают остановку. Птицам хорошо видно реку и четыреста мелких и крупных озер по лесной пойме. Весною озера сливаются в одну большую воду с Хопром. Теперь же, осенью, каждое озеро – само по себе. И все озера вместе спрятаны в зарослях камыша, осинника, вязов, дубов, бересклета, крапивы, терновника, хмеля, лозинок и сосен. И все это с конца сентября охвачено красным пожаром, все глядится в тихую воду.

Степной остров служит приютом летящему в дальние страны, и невозможно перечислить всех, кто живет у озер постоянно. Зубры, олени, еноты, бобры, барсуки, странный зверь выхухоль, множество всякой птицы, редкая для европейских лесов колония журавлей. И все это под боком у человека. Осенью услышишь сразу олений рев и гудение автомобилей; гомон вечерней улицы в Алферовке перебивается журавлиными криками.

Столица лесного острова – хутор Варварино белеет избами и светится окнами у края леса и края полей, тут же озеро, и река тут же, под боком. На реке переправа – большая лодка, землянка на берегу, костер возле землянки. Перевозчик по осени ловит щук, и его надо звать долго и терпеливо. Минуты ожидания не огорчают. Глядишь, как медленно плывут по воде желтые листья, собираешь ежевику в ладонь, слушаешь неторопливую речь парня-попутчика.

– Где же ты пропадаешь? – несердито говоришь перевозчику.

– А это видал? – вместо ответа говорит дед и нагибается в лодку. В темноте белеет брюхо огромной щуки...

По дороге к дому слышишь свист крыльев и тяжелые шлепки в воду. Перелетные птицы делают остановку на лесном острове.

Лесной дом

Я живу в большом опустевшем к осени доме. Ночью приходить в него страшно. Он как старый брошенный замок. Скрипят и глухо повторяют шаги половицы. Скрипят двери, скрипит рама в комнате с окном, выходящим к лесу, скрипит некрашенный стол у меня в комнате. И не поймешь: дом обрадовался или недоволен твоим приходом?

Только одно существо шевельнулось в ответ на шаги. В доме живет черепаха. Если открыть двери, она ползает из комнаты в комнату, но я застаю ее всегда в одном месте – около ножки стола.

– Ну что, скучно одной?

Черепаха странно моргает и прячет голову в панцирь. Маленькую, не больше карманных часов черепаху я поймал вечером возле реки. Услышал шорох ивовых листьев и накрыл картучом. Я ужинаю, сажусь за бумаги. Черепаха в это время сидит на столе. Странное существо, не знает края стола, и мне краешком глаза надо следить за ее черепашным шагом.

В полночь у дома кричит сова. Ее беспокоят освещенные окна. Скрипит неплотно прикрытая рама, и слышно: по опушке ветер гонит сухие листья. Холодно. Одно одеяло уже не греет. Кидаю сверху тулуп и тушу свет. Над кроватью висит чучело коршуна. Луна забирается в комнату, расстилает под окнами три синих половика, синей точкой отражается в стеклянном глазе коршуна. Я засыпаю. Черепаха всю ночь бродит по бесконечно длинному коридору, ищет выход из дома.

Утром дом уже не кажется живым и таинственным. Я иду в соседнюю комнату, выбираю из кучи арбуз, беру яиц из ведра, режу ломоть черствого хлеба... Закрываю окна. Наливаю для черепахи воды в щербатую сковородку...

У порога ночь собрала желтую кучу листьев. Листьями укрыты дорожки от дома. Дорожки ведут к озерам и неизвестно куда по лесу...

Любопытство

Странная была встреча. Олень глядел на меня и не спешил убежать. Обычно оленя редко увидишь. Тысячи лет научили животных: от встречи с человеком ничего хорошего не бывает. Олень, еще не родившись, знает: запахов дыма и человека надо бояться. Делали опыт: над яйцом страуса, из которого вот-вот должен был появиться птенец, включили магнитофонную пленку с криком хищника – охотника за страусами. И что же?.. Яйцо шевельнулось! Страусенок света не видел, но знал уже своих врагов на земле. Такие знания получает в наследство каждое из животных, но только самую малость. Остальное добывай сам. Больше знать будешь

– легче выживешь. Этим и объясняется давно замеченное любопытство зверей. Все новое, непривычное пугает, но и держит зверя на месте. Любопытство!

...Два сливовых глаза глядели на меня не моргая. Ноздри тянули воздух и выпускали две струйки морозного пара. Олень стоял задом, круто повернув голову. Я почти не дышал, не шевелился. Оленю надоела неясность. Он шаркнул передней ногой и опять замер. Не знаю, чем бы кончилось единоборство двух пар любопытных глаз, но откуда-то появилась сойка и ошалело застрекотала. А это в лесу сигнал: опасность! Сигнал сорвал с места пружину из тугих мускулов. Олень прыгнул в сторону, задел ореховый куст. Сверкнуло между осинами оленье «зеркало», стихли удары копыт по сухим листьям. Сойка с минуту не могла успокоиться, прыгала по осине и стрекотала. Лес на два километра вокруг по этому крику знал: что-то случилось.

Привязанность

Журавли улетели. Вечером долго кружились над лесом, над хутором – то смешаются, как грачи, то построятся треугольником. Утром их уже не было. А сегодня мы опять услышали журавля. Он летал над полем необранной кукурузы, повернул к Вьюнову болоту, опять явился над полем и все время кричал.

– Тот самый, – сказал Василий Александрович. – Самку я на чучело подстрелил, а он все лето тоскует, зовет, от стаи теперь отбился...

Пошел разговор о привязанности в природе.

– ...В особенности у волков замечал. Спарились – все: любовь на всю жизнь. Помню случай: убили на приваде волчицу. Глядим, что за притча: мясо нарвано, а не съедено. Я ночью вздумал подвыть. Волк отозвался и на меня вышел, посчитал, что волчица зовет. Ну и попал под ружье. Поглядели – а волк-то беззубый. Ни одного зуба. Волчица мясо ему рвала...

Над краем леса кружились опавшие листья, шуршала кукуруза и кричал одинокий журавль.

Радость

Радость у человека может вызвать большое событие и незначительный случай, мимолетное слово, звук, тишина, цвет неба, форма резного наличника на окне мелькнувшей по дороге избы...

Сегодня я бросил рюкзак и присел на ворох нанесенных ветром в ложину листьев. Около самого уха дребезжала погремушка кузнечика. Запоздало серебрились шары одуванчиков. Клен, вязы, дикая груша освещали поляну красным и желтым светом. Разворошенные листья источали запах вина. Красные сережки семян неподвижно висели на облетевшем кусту бересклета. Все было опущено в тишину и перепутано паутиной погожего дня. Я услышал шаги. Думал, идет лесник, косивший у речки осоку. Оглянулся – по листьям прыгает дрозд. И так резво, небоязливо, что я подумал: сама Радость прыгает на поляне.

Беда

Мы ловили хохуль. Ловля такая: в воду перед норой ставят большой сачок и начинают «топтать», выгонять зверя. Мы так натоптались за день, что еле добрались на кордон Серебрянка. Лесник, хозяин кордона, доил корову. Двое мальчишек сгребали в кучу сухие листья.

Хозяин нарезал хлеба, принес меду и молока.

– По-прежнему один хлопчешь?

Лесник грустно кивнул.

Мы знали: человеку, кроме лесного дела, приходится и стирать, и хлопотать в огороде, корову доить, возиться с посудой. Все хозяйство на нем. И два мальчишки растут.

– Ей тяжелее... – Лесник кивнул на дверь, прикрытую ситцевой шторой.

У жены лесника ревматизм. Уже три года не поднимается.

Лесник полотенцем попытался разогнать мух, устало сел возле окна, и я первый раз увидел его улыбку. Во дворе маленький шустрый котенок крался к голубю. Большая жирная птица клевала просо и совсем не боялась охотника. Котенок подполз, прыгнул. Голубь взлетел, но тут же сел и продолжал собирать зерна. Котенок опять пополз.

– Нюра, ты погляди, погляди в окошко, – громко сказал лесник.

За ситцевой занавеской послышался шорох, закрипела кровать.

– Вот разбойник... – Голос у женщины был тихий и счастливый в эту минуту. – Митроша, ты бы сказал ребятишкам, пусть загонят телка, а то опять забредет на капусту...

Котенок сел возле голубя и стал смешно умыться. Скрипнула кровать, и все утихло за ситцевой занавеской...

В лесном доме жило счастье и поселилась теперь беда.

Красный огонь

Косо, пополам с дождем сыпались листья. Чай, огонь в печке и сухая рубашка были где-то километров за восемь. Лесные лужи хлюпали под ногами, и мокрые листья прилипали к щеке. Тепло сохранилось только под рюкзаком, на спине.

И вдруг дорожка, петлявшая в холодном молодом сосеннике, вывела на поляну под большую рябину. Ничего не изменилось. Летели листья, холодные капли падали с веток. Но я стоял у рябины и чувствовал: согреваюсь. Большие пятна красного цвета излучали тепло. Я сломил ветку рябины и шел, как с факелом. Дождь вперемешку с березовым и дубовым листом, казалось, чуть потеплел.

Признание

«Тебе признаюсь. Я стрелял в человека...»

Мы лежим с егерем в шалаше, в самой глухой части лесного озера. Тут живут барсуки, совы, еноты, в этих кварталах режут олени. Мы решили заночевать, чтобы утром поснимать лосей и оленей. Ночь безлунная. В треугольнике шалаша видно звезды. Слышно, как падают листья, далеко в темноте кричат совы и хрустит сухая трава у лошади на зубах. На поляне – туман. Видно только спину и голову лошади.

«Тебе признаюсь, – говорит лежащий рядом со мной человек. – Был у нас бригадир. Вся деревня его не любила. Однажды вечером слышу – отец с матерью говорят: «За что же он так: издохни, говорит, и дети пусть твои передохнут». У отца, чувствую в темноте, – слезы. А я-то знал, чего и отец не знал, может быть. Я видел, как бригадир к матери приставал. Он ко всем приставал, пьяный, глаза красные... Мне было тринадцать, но я уже все понимал. И было у меня ружье двадцать восьмого калибра...»

Рассказчик умолкает на полминуты. Мы слушаем, в какой стороне заревели олени, и кутаемся поплотнее в тулуп.

«Вот... Двадцать восьмой калибр. Я стрелял куликов, а тут пулю сковородой накатал и стал стеречь. Как раз вот тут, на озере, по соседству и подстерег. Гляжу из кустов: бригадир крадучись выбирает чужую сетку. Я прицелился. Руки дрожат. Щелк! – осечка. Еще раз – осечка. Еще раз... Бригадир услышал, наверно, щелчки, подозрительно глядит на кусты и потихоньку начинает грести в залив. А я почему-то сильно обрадовался, что осечка. Поднялся. Отошел в лес. Дай, думаю, еще раз щелкну. Взвел курок... До сей поры выстрел звенит в ушах.

Тот же патрон. Я даже не открывал замок у ружья, просто четвертый раз взвел курок. Пуля срезала сук у сосны и застряла в другой сосне. Нам повезло обоим. Он остался. И я... Как бы я жил... Только потом понял, какой камень мог бы носить... По дороге домой встретился с бригадиром. «Ты, – говорит, – никого тут не видел?» Я сказал: «Нет, не видел». Шли по лесу вместе. Он молчал. И я молчал. Через неделю бригадир дешево продал хату и уехал из хутора...»

После рассказа мы долго молчали. Слушали, как бегают мыши по листьям и режут справа от шалаша олени. Уснули только под самое утро.

Пир

Подаренный стариком арбуз я расколол пополам. Одна половина пошла на стол, другую вынес во двор и приспособил на подоконнике. Первыми арбуз «открыли» осы и муравьи. Потом появилась пчела. Улетела, тяжело нагруженная. Вернулась и привела с собою не меньше десятка подруг. Появилась синица. Огляделась. Схватила семечко и тут же на подоконнике раздолбила. Хитрые воробьи следят за синицей. Видят: опасности никакой. Прыг-прыг, и пошел дележ красной мякоти. Синиц уже пять или шесть, тенькают и беспрерывно снуют с ветки на подоконник. На сухом тополе появилась сорока. Наблюдает: что мелюзга возится? Сорока глаз не спускает с арбуза, а ниже слететь боится, кричит, хвостом дергает. И уже на версту всем известно: идет пир возле дома. Прилетел поползень, явился сердитый шершень, явилась ста-рушка – мохнатая бабочка. Уже четыре сороки сидят на макушке, и ворона издала с крыши сарая пристально наблюдает... К вечеру от арбуза остался один черепок.

На этом пиру был и фотограф. Но его никто не заметил.

Мудрость

Ночью из-за леса неожиданно явилась зима. Непривычно светло. По окну ползают окоченевшие осы. Рыжий щенок с удивлением разглядывает печатный гусиный след. Береза плывет по снежному полю под желтым прозрачным парусом. Зеленые, не облетевшие листья вишенника кажутся сейчас черными. Вода в реке потемнела. Все растерялось, притихло, все, кажется, соображает: как же быть дальше? Падают на снег желтые листья. Неубранная свекла отчаянно зеленеет из-под белого одеяла.

Я пошел попрощаться перед отъездом с опушкой леса и встретил знакомого лесника:

– Вроде бы рано зиме...

– Это не снег, это грязь...

Лесник был занят странной работой. С большого столба возле дороги снимал оранжевый щит с надписью: «Лес – наше богатство. Будьте осторожны с огнем в лесу». На снегу лежали четыре таких же щита. Лесник прыгнул с лестницы, закурил:

– Зимой пожар не случится? Не случится. Вот и надо снять, чтобы глаз у людей не привык. Глаз у людей ко всему привыкает. А весной перед сушью я эти картинки – на прежнее место. Всякий человек непременно по свежести остановится, прочтет – глядишь, и потушит сигарку...

Это была хозяйская мудрость.

Фото автора. 3 октября 1965 г.

Ноябрь

Времена года

Уже не осень и не зима еще. Светает поздно, и моим будильником по утрам был шорох метлы под окнами. А сегодня что-то другое? Скребут лопаты. И в доме светлее обычного. И синица в открытую форточку смелее, чем обычно, заглядывает. Крыши белые. Воробьи в палисаднике присмирели, ребяташки кинули в кучу портфели, кривыми палками гоняют каблук от ботинка. Девчонка-почтальон поставила у двери сумку и швырнула в знакомого парня снежок.

Зима? Пожалуй, нет еще, хотя белая кисея снега отдалила друг от друга дома и задала работы мальчишкам и дворникам. Снег – еще не зима. Надо следить за речкой. Зима приходит по льду. Стали реки – можно сказать: пришла. В Подмосковье это должно случиться через неделю, хотя бывают и отступления от вековых правил. Сегодня я взял рюкзак и отправился в лес глянуть, что же там происходит в неделю предзимья?

Ни в какое время лес не бывает таким безлюдным. Снегу – по щиколотку. След лося, заячий след, мышьяная вышивка возле стогов. Стога на белом – как корабли на мели и кажутся теплыми. Рыжей гривой горит бурьян на меже. Такого же цвета неопавшая шуба на дубняке. Все остальное темное, черное. Особенно продрогли ольха и осина. Только бодрые елки напоминают: зеленая жизнь в лесу затихла не навсегда.

Зима где-то на самом пороге. В маленькие озера и лужи уже вставлены стекла. Бурные листья под тонким льдом, как древние музейные пятаки. Мороз подобрался и к лесной речке. Камышинки в заводи скованы льдом, и в серебристый чуб тростника уже нанесло снегу. Вода еще бежит в реке. Черная и густая. Из глубин кверху поднимаются теплые струи. Водяной коловорот и держит пока еще наступление льда. Но закраины уже крепкие. Ласка подбегала ночью напиться и не провалилась на льду. Комок морозной земли со звоном катится по закраине. Вдалеке утки черными кочками плавают в полынье. Какая сила заставляет уток не улетать, дожидаться зимы? Кто еще задержался в лесу? Пожалуй, только дрозды. Они нетерпеливо прыгают по кустам, ждут, когда я уйду, чтобы продолжить рябиновый пир. Дрозды могут и на зиму остаться, если будет рябина. Все же, кто мог улететь, уже улетели. Только синицы робко позванивают в черных и мокрых осинах. Дятел шелушит шишку. Молчаливо кружится по стволу поползень. Наступает время зимних гостей. Из лесной гущи на поляну, где стоит ясень, с печальным свистом перелетают красные снегири. Уже время прилететь свиристым, малиновым щурам, клестам, белым совам и тундровым пуночкам. Не все пришельцы попадают на глаза, но зимуют у нас больше десятка прилетных птиц.

Валит снег. Уже все побелело. Только у елок, под ветками, еще прячется пахнувшая прелею и квасом поздняя осень. Станный день. Лес то глохнет от белых мух, то вдруг становится прозрачным чуть ли не на версту. Видишь между березами горы сизых и розовых облаков. Солнца нет, но на летящий самолет вдруг как будто кто зеркальцем посветил: сверкнул и тут же вдруг исчезает в бегущем лиловом дыму, и звук его как будто с иного света. Березы, только что стоявшие рядом с тобою, пропадают. Идет снег, тихий и большой, как белые бабочки. И пахнет арбузом.

В такие дни барсуки, мокрые и продрогшие, до весны залезают в сухие теплые норы. Медведь, оглядевшись, бредет к берлогу, прыгает, чтобы затерять след, и залегает. Рыбы ложатся на дно до тепла. Ходившие парами волки собираются в стаи. Птицы тянутся поближе к жилью человека.

Река стынет. И вот-вот уже большой мороз, стучая валенками, перейдет речку. До белой старости дожила осень. Завтра – зима.

12 ноября 1965 г.

Речка Никулка

Камчатские репортажи

Речка называется Никулка, с ударением на первом слоге. Назовите вслух эту речку, и вы поймете, почему именно ей сделано предпочтение.

Никто не сосчитал, сколько на Камчатке маленьких речек. Летишь самолетом – видишь кружева бегущей воды. В тундре речки укутаны ивняком. Местами воды не видно, только ивняк, желтый от первых морозов, стекает по сопкам в большую реку. Между вулканами и молодыми горами речки сверкают кованым серебром, а на равнине, освободившись от горного плена, речки предаются разгулу и вместе с матерью рекою Камчаткой петляют, текут вперед, назад, в стороны, делают дуги и повороты и очень похожи сверху на сверкающих ящеров.

Мне приходилось вброд или прыгая с камня на камень переходить эти речки. Вода, рожденная в горных снегах, ломит зубы. И тут же рядом с ней бежит по камням речка с теплой прозрачной водой. Она вытекает из толщи горы. А гора, хоть и носит снежную шапку, таит в себе первобытный жар. С этим теплом мороз даже в пятьдесят градусов не справляется. И по этой причине на речках остаются зимовать лебеди.

Речка Никулка.

Летом и осенью камчатские речки вскипают от рыбы. Лососи, гулявшие бог знает где в океане, находят Камчатку, каким-то чудом в сотнях камчатских речек находят «свою» речку, ту самую, где они появились на свет из красной икринки. Идут, идут вверх по воде, прыгают через камни, переползают мели, поднимаются в струе водопада, не питаются в это время, приходят, наконец, к родовому месту, дают жизнь новому поколению и умирают тут же, на родной речке.

В иное лето ход рыбы бывает таким, что «ставь весло – не падает». На мелких местах вода «закипает» от рыбьего хода. Медведи собираются к берегам порыбачить. Сядут возле воды и лапами швыряют на берег упругих, сильных лососей. В это же время и людям проще всего рыбачить. В это время идет заготовка ставшей теперь уже редкостью красной икры и рыбы, известной по названиям: кижуч, горбуша, нерка, чавыча, кета.

Мы выбрали Никулку еще и потому, что это хорошая нерестовая речка. На ней одиноко живет человек, который ведет учет рыбам: сколько приходит, сколько уходит в море.

Дорога к Никулке идет по воде. Солнце стоит то впереди лодки, то светит в корму. Главный вулкан Камчатки – Ключевская Сопка дымится то справа, то слева – это река водит нас петлями по долине. Осень роняет снег. Мы сидим, укутанные в тулупы, и слушаем, как бьются о борт льдинки ранней шуги. Двести пятьдесят километров дороги. Временами мы вылезаем на берег и неистово бегаем по первому снегу. Когда кровь, наконец, согревает застывшие ноги, снова садимся в лодку. Опять звенит прозрачная пыль воды и стучат льдинки о борт. Ключевская Сопка сменяется новым вулканом. И только лес не меняется. Кружатся на берегу раздетые лиственницы и осины, березы, черный ольшаник и кусты шиповника с красными каплями ягод. Седые глухари, не пугаясь, сидят на ветках у самой воды. Мы замедляем ход и целимся в глухарей. Тяжелые птицы трещат морозными крыльями, перелетают реку и садятся у нас на виду в корявые шапки лиственниц. Мороз, за ночь сковавший озера, поднял на крыло тысячи уток, лебедей и гусей. Птицы спешно строятся в цепи и треугольники. И как ни петляет река, по птичьей дороге мы точно определяем, где север, где юг. Однако не все улетают. Тысячи уток переселились с озер на реку. Утки свищут крыльями над самой водой, садятся, чтобы через минуту снова подняться и мелькающей сеткой лететь впереди лодки.

Тут природа, кажется, оплошала...

Шапки наши и тулупы заиндевели, борта у лодки сверкают бисером замерзшей воды. Скоростью лодка может тягаться с автомобилем, поэтому не только утки и глухари занимают

впередсмотрящего. По реке плывут «нерпы» – тяжелые полузатонувшие бревна. Чуть прозе-вал... Лучше не думать, что может случиться. Камчатка-река даже летом не отпускает добычи. Мелькают красные лоскуты матерчатых бакенов. Раз в четыре появляются поселки на берегу – горстки бревенчатых домиков. Встретилась тяжело груженная цистернами баржа. И так же тяжело груженная лодка – охотник вез рыбу и тушу медведя.

С нами ничего не случилось. На второй день пути к вечеру мы кинули якорь в прозрач-ную воду Никулки.

Правый берег у Никулки крутой и обрывистый. Упавшие елки и лиственницы корнями держатся где-то вверху, а головами не достают реки. Мы заглушили мотор, зачерпнули при-горшни воды. В лиловой глубине шевелятся длинные зеленые волосы трав, виднеются чистые камни и плывут большие полусонные рыбы. Подвожу багор и без труда цепляю рыбину. Она слабо шевельнулась в снегу и затихла. Хвост у рыбы похож на обтрепанный веник. Мали-ново-черная кожа свисает лохмотьями. Поднимаемся вверх по речке и видим множество обре-ченных лососей. Они еще держат голову против течения, но конец уже близок. На берегу у воды и на дне речки лежит множество мертвой рыбы. В узком месте Никулку пересекает часто-кол-загородка. Десятки рыб течение прибивает к забору, и тут их цепляют баграми и кладут штабелями на корм собакам.

Было похоже, что где-то вверху по речке рыбы попали в беду или держали с кем-то нерав-ный бой и теперь, ослабевшие и избитые, отступали. Рыбы первый раз пережили пору любви. И все, на этом кончился рыбий век. Повальная гибель живых существ ошеломила. Природа, всегда мудрая и бережливая, тут, кажется, оплошала.

Мы долго возились у лодки. Взошла луна. Засветились окна в одинокой лесной избе. Трепещет под напором воды частокол-загородка, и всюду по воде идут большие круги – на реке умирает рыба.

Если ночью, пролетая Камчатку, глянуть вниз с самолета, Никулку можно узнать по оди-нокому огоньку. Один-единственный дом на много километров тайги. Мы сидим у лампы, едим картошку с соленой рыбой и греем ноги у печки. Хозяина-ихтиолога нет дома. Жене хозяина пришли сроки рожать. Неделю назад он увез ее в дальний речной поселок и стал ждать вестей. Но проволока, бежавшая в тайгу по столбам, вестей не давала. Позавчера хозяин не выдержал и ушел в поселок. На столе возле лампы осталась гора окурков и раскрытый «Справочник аку-шера».

Рыбой нас угощает помощник ихтиолога и конюх по совместительству Павел Васильевич Гусев. Первые полчаса Павел Васильевич старается незаметно выведать: а правда ли мы из Москвы? Потом подозрительность сменяется безграничным расположением. И мы узнаем, что на Никулке живут «четыре души», «начальник с женой, я и...» О своей жене Павел Васильевич говорит осторожно, потому что женился недавно, выбрал себе жену из присланных в эти края: «Ну, как их... ну, этих, которые там у вас не хотели работать...» «Ничего, женщина к хозяйству оказалась способная...» Живут еще на Никулке возле людей две серых лошади и три собаки: Бобик, Шарик и Пекарь.

«Зимы в этих местах студены. Снегу – лошадям по уши. От мороза ухают стены в избе. А речка морозу не поддается. Поэтому у дома зимуют лебеди. Две сотни птиц на реке. За водой выскочишь – плавают возле кладки. Река белая от паров. И они белые. А в прошлую зиму два черных пристали, будто бы австралийские лебеди...»

– Ну а рыба?

– Что ж, рыба! Рыбе счет аккуратно ведется. Рыба, замечаем, на убыль пошла. Говорят, японцы сильно шуруют, а может, другие причины... Учет? Ну, это дело простое. Забор видели? Воротца в заборе? Открываем воротца и считаем по головам, как телят или кур. Ну а потом все на бумагах там, в Петропавловске, плюсуем и минусуем, решают, сколько не ловить, сколько ловить. Мальков, которые в море идут, тоже считаем...

– А почему умирает рыба, Василич?

– Этого никто не знает.

– И ученые?

– Делают вид, что знают.

– А твой начальник?

– Начальник... Ему вон микроскоп никак не пришлют. Говорят: подожди. Лодку хорошую – подожди, посуду для опытов – подожди, карабин – подожди. Нас медведи скоро сожрут. Мочим тряпки в бензине, бросаем на берегу – не бояться!.. А начальник интерес к рыбе имеет. Ему бы микроскоп такой, чтобы все видно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.